

Вячеслав Белков

Разлад

Качается и дрожит вагон. Стучат колеса. Плышет над миром старая, душевная украинская песня:

Плыве човен, води повен,
Та всё хлоп-хлоп, хлоп-хлоп.
Ходить козак до дивчины,
Та все тют-тют, тют-тют...

«Они запели так чисто и стройно, так сердечно и тщательно выводили каждый поворот...», «Словно не желая глушить эту обильную, роскошную и широкую южную мелодию, поезд остановился на подмосковной станции. Песня затихла не сразу...»

Не много найдешь таких гармоничных, красивых эпизодов в новой публикации Василия Белова¹. И длятся эти эпизоды недолго. Вот и дивная украинская мелодия все же затихает и переходит в плач, в страшный вой, от которого холодеет душа человеческая... Это идет на север в январе 30-го года состав «из десятка вагонов, битком набитых украинскими лишенцами». Это началась сплошная коллективизация, это набирает новые обороты затихшая вроде бы гражданская война, всеобщий разлад.

Лад для Белова — это обычная народная жизнь, труд, открытость, песня. Одним словом, норма. А разлад — это головные кабинетные теории о жизни, война с собственным народом, изуродованное слово. Это когда хочется драться. У многих «чесались руки», хотелось драться и в 18-м, и в 25-м, и в 29-м, наконец. Я не придумал это словосочетание — «хотелось драться». Оно встречается в романе-хронике Василия Белова, только в ином масштабе. Когда крестьянский парень, а ныне матрос Васыка Пачин понял, что он одинок, Тоня его не любит, то автор показывает его состояние такими словами: «Душа холодела, хотя сердце не унималось. Хотелось драться...» Если без любви, то остается только драться! А вот и крупный масштаб, на этой же странице: «Все газеты сулят войну...» Надо думать, что Пачин читал советские газеты. «Сулят войну». И это еще в 30-м году! Атмосфера вражды, истерии нагнеталась повсеместно и во всем!..

А начинается «Хроника девяти месяцев» с рассказа о высших эшелонах власти. Каганович, «этот палач народов», как без обиняков пишет Белов,

создал комиссию по коллективизации крестьян. Политбюро утверждает ее состав. «И уже через три дня Яковлев сварганил восемь подкомиссий, которые тотчас начали разрабатывать грандиозный план невиданного в истории преступления». Сколько горькой иронии в словах автора: человек, не знавший сельского хозяйства, «сын гродненского аптекаря Яков Яковлев поставлен быть в Московском Кремле комиссаром над всеми христианами и землепашцы».

Мнение Василия Белова о коллективизации сложилось давно, а теперь, как известно, схожее представление все чаще высказывается в литературе и науке. Есть у писателя и своя версия личности и деятельности Сталина. Она, пожалуй, мало кому известна. Суть версии в том, что некоторые круги и силы шантажировали генсека знанием его темного прошлого. Понятно, что в политике всегда действует множество сил, и в разных направлениях. Можно найти и некоторые факты поддерживающие версию писателя: беспрепятственный выезд Троцкого за границу со множеством документов, эпизод с заявлением Сталина об освобождении от должности по собственному желанию... Но есть, по-моему, и чисто психологические аргументы. Возможно, чем-то была ограничена неограниченная власть Сталина, если он постоянно жил в страхе. Страх рождает злобу и террор, особенно, если к страху примешано раздражение от бессилия...

Что ж, литература опять первой поднимает проблемы. Пока историки молчат или стараются говорить так, чтобы их не услышали.

Новые главы романа-хроники Белова проясняют теперь и общий замысел писателя — широко и достаточно подробно рассказать о нашей действительности 1929—1930-го годов. Вот основа содержания лишь некоторых новых глав: Сталин и начало коллективизации; вербовка Шилового в органы и его участие в расстрелах репрессированных; жизнь и работа Владимира Сергеевича Прокурова в ссылке на севере; город Вологда, содержание лишенцев в Прилуцком монастыре; родная деревня, Павел Рогов на лесозаготовках, и т. д. Василий Белов старается разнообразить и точки зрения на происходящие события. Иногда он привлекает для этого и неглавных персонажей. Например, Вологда «увидана» глазами молодой украинки Параски.

Каждая глава — как бы большой мазок в картине, мазок нового цвета. Отсюда, наверно, и некоторая несобранность, дисгармоничность повествования. Может, таков замысел писателя, таково время, о котором Белов говорит: «Все путалось в мире и вставало с ног на голову».

¹ В. Белов. «Год великого перелома. (Хроника девяти месяцев)». «Новый мир». 1989, № 3.

Да, повествование о страшных событиях, о несладкой жизни. Немало здесь политики и самой лексики политической. И в то же время хочется и надо говорить о художественности произведения Белова. Говорить на уровне стиля, образа... Это не часто бывает, когда высказываются о современной прозе.

Итак, «все перепуталось...» Но если взглядеться и вчитаться, то видишь, что сам язык помогает нам разобраться в сложных событиях. Силой своей страсти писатель окрасил слова стилистически и нравственно. Вот как он пишет о разладе: «сварганил восемь подкомиссий», «шáбаш», «полетели зловещие телеграммы», «крестьянские погромы», «свистопляска», «командирчик», «зловещие знаки», «дорвались до власти», в кинотеатре «Революция» идет фильм «Гоноррея»... Встречается и само слово «разлад»: «...надо зарезать черной чумой разлада и зависти, столкнуть бедных с защиточными».

Ломали церкви, ломали свои фамилии, «Россия гибла снова и снова». Уничтожали хозяина, который отвечал за свой труд. Один из персонажей говорит в тюрьме об уголовниках: «У этих уже ликвидирована частная собственность»...

Разладу всегда сопутствует пословица «Семеро с ложкой...» Лад же, наоборот, освящен грудом, честным и напряженным. Вроде бы рядовой эпизод — Павел промок и был вынужден бросить на берегу зимней реки топор и корзину. Но долго еще его мучает совесть, ведь «срам на всю округу». Как сильны были в народе понятия о трудовой чести! Читатели давно уже и забыли об этом топоре, Павел лежит больной, но все мучает и мучает его совесть.

А сколько лада в песне! И песня возникает, даже в тяжелейшее зремени, когда люди насильственно оторваны от труда на родной земле. «Пливе човен, води повен...» Как песня, звучит и речь старых крестьянок русских, речь красивая, образная. А может, нормально звучит их речь: «начальства-то густо, а никто ницего не знает... рогулецки зря напекла... Дверей много, и все скрипают, тоже, видно, помазать-то нечем...» Конечно, нормально, обычно! Это все вокруг говорят не своим голосом!

А вот — «добродушная речь» рассказчика Апалонича, его «голосок все журчит да журчит, будто вешний ручей». Так же звучит речь священника — «голос был приятным, без хрипоты и испуга». Небо — «безбрежная звездная чаша», женщина пахнет морозом и снегом. И речь автора, как видим, преобразается, когда он пишет о народной жизни.

Прозорову снится чудный сон: «Отрадный, многоцветный образ теплой лесной поляны раскрылся вдруг так широко, так объемно...» Лад — это разнообразие, многоцветие. Разлад — это униформа,

централизация. всех под одну гребенку!..

Разлад, разлом, перелом. «Год великого перелома». Новое произведение Василия Белова — о событиях уже исторических. Но как часто эти события перекликаются с сегодняшним днем. Хотим мы или нет, а вспоминаем 20-е и 30-е очень часто. Когда видим, как сегодня на месте закрытой госконторы возникает новая, только с другим названием. Когда в городе спиливают десятки деревьев и никто из граждан даже не пикнет! Когда труд презирается, а песня давно заглохла. Когда залплены подъезды и разбиты, раскурочены телефонные будки. Когда катится по стране снежный (нет, черный!) ком немилосердия и воровства!

«Экспроприация». Даже Сопронов никак не мог выговорить «это костоглотное, хотя и давно знакомое слово». В. Белов пока что заканчивает повествование на первых днях этой самой экспроприации. Через несколько дней многие крестьяне, мирные люди, отцы и деды, чьи-то мужья и сыновья будут (страшно вымолвить!) расстреляны без суда... Уже идут «срочные совещания», уже передаются «секретные телеграммы!» Господи, ну разве можно так в мирное время! Это же война получается. И отголоски ее звучат даже сегодня.

И горько-горько на душе, потому что ведь многие люди видели истину уже давным давно. Близок к ней был Горький в «Несвоевременных мыслях» (1917—1918). А Матэ Залка писал в своем дневнике в самом начале 30-х годов: «Город грабит деревню. На 12-й партконференции ничего не говорилось об этом. Это пугает... Украина, несмотря на нормальный урожай, обречена на голод... Большевизм теряет популярность. Газеты фальшивы. Все сваливают на границу. Ложь «Правды», это — страшно. Наш рубль стоит 1 коп. Это — не кризис, хуже. Мы боимся говорить правду. Никто не смеет начать первым. Между городом и деревней партия вбивет клин... В стране миллионы голодающих. Отвратительно коммунисту, который видит ошибки и не может об этом сказать...» («Московские новости», 24 июля 1988 года). Примерно так же, только публично, высказывался знаменитый физиолог Павлов в 1934 году (см. «Медицинскую газету» от 14 апреля 1989).

Но в целом надо сказать, что в 1929—30-м году совершилось большое предательство. Крестьянский народ был предан теми, кто знал о разладе, и кто мог что-то сделать. А разлад был столь велик, что через несколько лет захватил и самих предателей... Но разве мы говорим об отщизни? Мы говорим о труде, как основе социализма, о ладе, о совети...»